

**Ассоциативно-семантическое поле концепта ЛЮБОВЬ
(на материале поэтического дискурса М. Цветаевой)**

В современной науке возрастает интерес лингвистов к проблемам связи языка и культуры, языка и истории, языка и познавательных процессов. В лингвокультурологии, изучающей способы, которыми язык в своих единицах воплощает, хранит и транслирует культуру, до настоящего времени не уделялось должного внимания исследованию такого элемента культуры, как поэзия. Но такая необходимость настала. Как связаны язык, поэзия и культура? Культура включена в язык, так как вся она смоделирована в тексте. Поэтический текст – культурно-языковое пространство, моделирующее образование: он не отражает, а творит свою реальность, создавая некий возможный мир.

Методологическая основа исследований – изоморфизм языка и культуры, это позволяет анализировать язык через культуру и культуру через язык.

Всякий крупный национальный поэт требует определенного лингвокультурного комментария, который при этом не исключает других видов комментария и анализа. Поэт является носителем особого рода культурных ценностей. Марина Цветаева – носитель элитарной, интеллектуальной, космополитической культуры, но прежде всего поэт русской культуры. С учетом этой особенности происходит концептуализация мира языковой личностью Цветаевой. Концептуализированные понятия (любовь, разлука, жизнь, смерть...) переживаются, осмысливаются и вербализуются в текстах языковой личности.

Концепт – структурно и образно организованное инвариантно-вариативное знание определенного социума о каком-либо явлении духовной и материальной культуры, реализующееся через пространство разноуровневых и разнопорядковых языковых знаков и речевых произведений, связанных между собой парадигматически и синтагматически и/или ассоциативно. Концепт *любовь* является одним из ключевых в поэтической картине мира Цветаевой.

С нашей стороны предпринята попытка проанализировать репрезентацию концепта *любовь* в поэтических текстах Цветаевой. Для реконструкции данного концепта использовались методы и приемы построения и описания ассоциативно-семантического поля (АСП).

Имя концепта (*любовь*) и репрезентанты стягивают вокруг себя множество ассоциатов, делая пространство текста непрерывным.

Структурирование ассоциативно-семантического поля концепта *любовь* осуществляется на материале определенных текстов М. Цветаевой. Через

лексические элементы вскрываются глубинные эстетические подтексты, без знания которых невозможно понимание текста и поэтической картины мира автора в целом. Помимо исследования уникальных эстетических смыслов текста, рассматривается целый ряд значений единиц: лексическое, фонетическое, грамматическое, словообразовательное, мотивационное, стилистическое. Обладая удивительной сверхчувствительностью, Цветаева предугадывала любовь по одним только ей известным знакам. Стихотворение «Приметы» (1924) - о предчувствии любви, о ее приметах: *Точно гору несла в подоле – / Всего тела боль! / Я любовь узнаю по боли / Всего тела вдоль.* В тексте присутствует имя концепта (*любовь*) и репрезентанты (*боль, гора*). «Гора» у Цветаевой – символ огромной силы, которой нет сопротивления. Сравнение помогает понять тяжесть «груза» любви. В том же 1924 году Цветаева пишет «Поэму Горы», где этот репрезентант перерастает в центральный образ произведения: *Та гора была – миры! / Боги мстят своим подобиям. / Горе началось с горы. / Та гора на мне – надгробием.* Концептуальное слово заменено репрезентантом *гора*, который в свою очередь образует ассоциативный ряд: *боль, несчастье, смерть (гора – «любовь» - надгробие)*. В стихотворении «Приметы» слово *боль* – лексическая доминанта произведения. Для Цветаевой *любовь* – именно боль, сильная, почти физическая: *Я любовь узнаю по жиле, / Всего тела вдоль / Стонущей <...> Я любовь узнаю по срыву / Самых верных струн / Горловых, - горловых ущелий / Ржавь и соль.*

Автор в тексте использует прием эпифоры: каждая строфа заканчивается словами “Я любовь узнаю по...”, а начинается афористическим сравнением: *Точно поле во мне разъяли / Для любой грозы<...> / Точно нору во мне прорыли / До основ, где смоль.*

Лексический ряд: *жила, тело, горловые ущелья, глаголы разъяли, прорыли* позволяет говорить о телесности, природности, естественности переживаемого. Повтор сравнений усиливает впечатление от образного ряда, кажется, что речь идет не о человеке – человека, тела – уже нет, “кожа вся содрана”, осталась одна голая душа – основа, и чувство пробирается в самую глубину души, “взбирается на гору”: *Вздоргнешь – и горы с плеч, / И душа – горе! / Дай мне о горе спеть: / О моей горе.*

Поэтически этимологизируя излюбленную лексическую параллель *гора – горе*, Цветаева соединяет в тексте переосмысленную этимологию с исторически подлинной, что создает сильный драматический эффект: в переосмыслении, игре слов появляется иллюзия подлинности всех предлагаемых автором этимологий. В данном тексте слова *гора* и *горе* с омонимичными корнями не просто контекстуально сближены, но их значения соединены фразеологическим сочетанием *гора с плеч*, указывающим на душевные переживания, а также архаическим наречием *горе (вверх)*, омографичным слову *горе*. Следовательно, *И душа – вверх!* Вокруг уже ничего не существует, героиня далека от земной

жизни, кажется, будто она где-то в другом измерении: *Я любовь узнаю по дали / Всех и вся вблизи.*

Алогизм (*даль – вблизи*) подчеркивает вземное измерение пространства любви. У Цветаевой – только ощущения, чувства – все внутри, внешне существенного ничего не происходит, но в душе – там все стонет, ноет, болит, звенит: сорваны *самые верные струны*. В один лексический ряд попадают *жила, нерв, струна* любви – она всегда незримо натянута.

Гора горевала (а горы глиной / Горькой горюют в часы разлук) / Горячие от горечи и нег.

Горение – самый известный традиционный символ интенсивности жизни, страсти – символ, уходящий корнями в глубокую древность, чрезвычайно важен в поэзии Цветаевой. Однако для поэта этот символ прямым образом связан со страданием, с горем и горечью утраты.

В группе слов с корнем *-гор-* слово *горький*, имеющее первичное конкретно-чувственное значение, преобладает, вероятно, потому, что именно конкретно-чувственный образ является основой многих произведений Цветаевой.

Принципиально важным элементом мировосприятия Цветаевой является конкретизация абстрактного и абстрагирование конкретного, материализация духовного и одухотворение вещественного, что естественно отражается на концептуализации важнейших понятий. Подобное явление, характеризующее все творчество Цветаевой, проиллюстрируем примером: *Ибо – без лишних слов / Пышных – любовь есть шов. / Шов, а не перевязь, шов – не щит. / -О! Не проси защиты! / –Шов, коим мертвый к земле пришит, / Коим к тебе пришита.* <...> Текст содержит имя концепта и репрезентант (*шов*). Опираясь на средства звукописи, автор акцентирует внимание на сопряженности определенных звуков (Ш). *Шов* – ключевое слово в тексте. Звук здесь выполняет эмоционально-экспрессивную функцию, способствуя фонетическому выделению семантически важного слова, активизирует звуковую ассоциацию шипения.

Лексическая мотивация (*любовь есть шов*) сопровождается структурной мотивацией, то есть включением неоднократного морфемного (корневого) повтора, что порождает расширение и углубления семантики каждого языкового элемента. Это и составляет важнейший элемент творческого процесса.

Художественную ценность тексту придает ассоциативная цепочка: *любовь – шов – боль – мертвый*; она и открывает потенциальные смыслы содержания. Причем, ряд может быть расширен и даже продолжен. И доходя до крайности, до «пограничной ситуации», испытывая болезненные ощущения от «разъятого»

тела, от «стонущих жил», от «пришитой швом», эти мучения, страдания, истязания превращаются - *в трель!* единую музыку, ожидание будущего счастья, блаженства: *Я любовь узнаю по щели, / Нет! – по трели / Всего тела вдоль!*

Состояние ожидания любви (любимого) у Цветаевой в языковом плане обозначено лексемами *столбняк, булыжник*: *Буду ждать тебя (в землю – взгляд, Зубы в губы. / Столбняк. Булыжник). Терпеливо, как негу длят, / Терпеливо, как бисер нижут.* («*Терпеливо, как щебеня бьют...*»)

Готовность ждать, сколько угодно, выражается многократным повтором лексемы *терпеливо*. Наличие в цитируемых строках номинативных предложений, синтаксически неполных конструкций «обрывочного» характера усугубляет семантические нагрузки слов, что создает эффект «утяжеления», «углубления» «состояния бесконечного ожидания». А для зарождения чувства порой было достаточно «случайной тени», шороха шагов, запаха («*White Rose*» и чая»), одного прикосновения, взгляда – и души уже тянулись друг к другу. Взгляду как детали Цветаева уделяла особое внимание: *И взглянул как в первые раза / Не глядят. / Черные глаза глотнули взгляд... / Все до капли поглотил зрачок / И стою. / И течет твоя душа в мою.* («*И взглянул как в первые раза...*»)

Взгляд у Цветаевой обладает огромной силой, благодаря которой и рождается любовь. Тенденция к многоплановости художественного слова определяет включение одного из важнейших структурных элементов поэтики Цветаевой- градационных рядов однокоренных слов (*взглянул - не глядят - взгляд; глотнули - поглотил*). Эти ряды, по-видимому, отражают философскую концепцию М. Цветаевой: личность поэта, как человека, охваченного страстью, она считает воплощением духа, противостоящего земной обыденности и наиболее полно реализующегося за пределами земного бытия – в бессмертии – абсолюте (*И стою. И течет твоя душа в мою*). *И стою* - предел; *И течет твоя душа в мою* - преодоление предела. Двое встретились глазами, между ними на расстоянии происходит сближение, слияние душ: *Не колесо громовое – / Взглядами перекинулись двое. / Не Вавилон обрушен – / Силою переведались души.* («*Не колесо громовое...*»). Текст содержит дискурсивный ассоциат: *любовь – душа* (*Силою переведались души*). Перед нами традиционно центральная антитеза в поэзии Цветаевой – «духовность – бездуховность» (отсюда множество слов, этимологически родственных со словом *душа* в поэзии Цветаевой). Душа как высшая инстанция, а взгляд (глаза – зеркало души) – аналог «материализованной» души – центральные в большинстве поэтических произведений Цветаевой.

Репрезентанты с компонентом *любить* по численности не превосходят репрезентантов с компонентом *любовь*; их соотношение: 205 единиц (*любить*)

к 230 единицам (*любовь*). Наиболее яркие, отражающие мировосприятие языковой личности Цветаевой, репрезентанты концепта с компонентом *любить* следующие: *любить немножко – грех большой; я родилась, чтоб вас любить; любить наполовину Я не научена; тебя любить – как в шахту Без фонаря...; до скончания вселенной – Люблю!; люблю тебя, призрачнодальний; любят, рубят – единый звук – Мертвенный!; любила – спасена!; я тебя высоко любила!; больше Бога я тебя любила!; люби без мер и до конца люби!* и другие. Основные репрезентанты с компонентом «любовь» лексем а) боль, гора, шов, смерть; б) жизнь, рай, страсть, душа, дух и другие.

Таким образом, фиксируем первое ядро ассоциативно-семантического поля – любовь.

В дискурсе присутствует главное противопоставление языковых единиц «любовь – нелюбовь» (причем в системе языка это не антонимы).

Лексема «нелюбовь» приобретает в поэтической картине Цветаевой специфическое значение – невозможность взаимной, счастливой любви. Появляется репрезентант «разлука». Отличительная черта любви у Цветаевой – изначальная обреченность на разлуку.

В самой любви для Цветаевой заложен «элемент» разлуки, даже больше – *разлука* является наиболее важным, доминирующим элементом концепта *любовь*.

Дитя разгула и разлуки,! / Ко всем протягиваю руки<...> / Но Голос: «Мариула, в путь!» / И всех отталкиваю в грудь. («Дитя разгула и разлуки...»).

Возникает ассоциат *цыганка*, символизирующий бродячую жизнь, страстную любовь и свободу – прежде всего, свободу сердца. В другом тексте компонент *цыганский* становится прямым репрезентантом: *Цыганская страсть разлуки! / Чуть встретишь – уж рвешься прочь.* («Цыганская страсть разлуки...»).

Разлука – цыганка – огромная, неведомая сила, которой невозможно сопротивляться, которая сметает все на своем пути: *Стрясается – в дом забредешь желтоглазой / Цыганкой – разлука! – молдаванкой – разлука! / Без стука, – разлука! Как вихрь заразный / К нам в жилы врывается – лихорадкой – разлука!* («Я вижу тебя черноокой, - разлука!..»).

Сочетаемость слова *разлука* в данном контексте своеобразна: цыганка – *разлука*, молдаванка – *разлука*, лихорадка – *разлука*. Значима сама конструкция: соположение элементов – сигнал их равенства. Значение целого сочетания не сводится к сумме компонентов, оно самостоятельно и проявляется в результате абстрагирования. Определительные элементы (*цыганка*, *молдаванка*, *лихорадка*) имеют общую внутреннюю потенциальную сему «всеохватывающего движения» и «всепоглощающей силы». *Погромищиком, серым волком, филином-птицей* определяет автор разлуку.

Но разлука – это, прежде всего, освобождение. В связи с этим появляется дискурсивный ассоциат *птица* – символ свободы и души: *Белой птицею вырвалась в небо душа* или: *Теперь я на воле, я белая птица*.

В концептологическое пространство текста попадают репрезентанты и ассоциаты: *птица, свет, полет, душа, свобода, сон, смерть, дух, ангел, дорога* и другие.

Это бытийная сторона, где героиня считает разлуку своим «ремеслом»; любовь – это непрерывная смена встреч и разлук, и разлука – это естественный процесс, ведь души свободны: *И что тому костер остылый, / Кому разлука – ремесло! / Одной волною накатило, / Другой волною унесло.* («*И что тому костер остылый...*»).

Но есть еще и «бытовая» сторона, «земная», и разлука оборачивается настоящей трагедией. На этой стороне действуют совсем другие законы; героиня становится женщиной, одной из многих, и несчастная любовь роднит ее с женщинами всей земли: *Вчера еще в глаза глядел, / А нынче – все косится в сторону! / Вчера еще до птиц сидел, - / Все жаворонки нынче – вороны!<...> / Увозят милых корабли, / Уводит их дорога белая.../ И стон стоит вдоль всей земли: / «Мой милый, что тебе я сделала?» («Вчера еще в глаза глядел...»).* Разлука – *корабль, белая дорога*.

В номинативном цветообозначении слово *белая* употребляется при описании дороги белого цвета – крымской дороги, мощенной белым камнем. Но в поэтическом тексте Цветаевой семантика белого цвета, естественно, шире. Она может быть связана с обозначением переходного состояния, пустоты, предшествующей заполнению. Белое – знак пустоты как незаполненной плоскости, равнины, (знак неведения, бесстрастия) (в отличие от «черного» - знака пустоты как опустошенности, утраты, следствие «полного» горя), то есть белое – «до всего», а черное – «после всего».

Фиксируем второе ядро ассоциативно-семантического поля исследуемого концепта – разлука.

Набор элементов ассоциативно-семантического поля еще раз доказывает ключевой характер концепта ЛЮБОВЬ в поэтическом мире М. Цветаевой. Это подтверждается объективными данными. На основе проведенного нами частотного анализа установлено, что лексемы словообразовательного гнезда с корнем –*люб-* встречаются в текстах Цветаевой более 490 раз. Ассоциативно-семантическое поле концепта ЛЮБОВЬ насчитывает 1441 словоупотребление 81 лексемы.

Об уникальности, нестандартности, яркости ассоциирования и смыслопорождения М. Цветаевой свидетельствует особая структура данного

поля: оно двудерно (*любовь, разлука*). Ядра находятся в равноправных отношениях, образуя единое целостное пространство.

Ядерное окружение поля содержит условно выделенные нами лексические парадигмы: а) **любовь – страсть**: *страсть, страстный, страстно, любовный, пылкий, любовник, любовница, свидание, объятие, поцеловать* и другие; б) **любовь – душа**: *душа, духовность, жизнь, рай* и другие; в) **любовь – страдание**: *боль, шов, смерть, умирать* и другие; г) **отсутствие чувства, либо его непроявленность**: *неласковый, нелюбимый, разлюбить* и другие; д) **явления любви**: *разлука (свобода, птица, одиночество), ревность, измена*.

Межтекстовые парадигмы содержат следующие ассоциаты (в скобках приводится актуальный смысл, возникающий в тексте): а) *каторжная, жестокая* – (грех); б) *вбаливаются, мука, живодерня* – (боль); в) *смертная, жажда плоти* – (бренная, земная); г) *лицедейство, лицемерье* – (игра); д) *страстные сестры, братская страсть* – (однополая); е) *невинность, нежнейшая на свете* – (нежность); ж) *люблю тебя свыше мер – и чувств* – (безмерность чувства) и другие. Поле содержит оригинальные репрезентанты и ассоциаты на ключевое слово (*любовь*): *боль, большая, блажь и беда, великая низость, дальняя, жестокая, живодерня, забываемо-ново, злая, зноб и зной, моя вся кара, лихая, лихорадка, любовь нелюбовная, любовный голод, любовная истома, любовный крест тяжел, лютая, мачеха, нежнейшая, нищая, пламенная, пустая, роковая, слово темное, смертная, стара, страшная, тайнопись любви, чародейство любви, юдоль любви, спасает мир любовь, я вся – любовь, сама любовь – не женщина, два крыла свои... истрепала любовь, смывает лучшие румяна – любовь, любовь – как огненная печь, любовь – связь, а не сыск, любовь – плоть и кровь, любовь – это все дары, земля незнамая, не мать, а мачеха, моя броня, Христос (отец любви)*.

Анализ ассоциативно-семантического поля концепта, контекстуальный анализ репрезентантов и ассоциатов, образующих обширное ядерное окружение и периферию, позволил проследить многие оттенки индивидуально-авторского осмысления концепта. Специфика этих оттенков заключается в том, что доминирующее положение занимает репрезентация единицами *измена, разлука, разрыв, расставание, ревность, ночь, сон, душа*.

В рамках современной научной парадигмы назрела необходимость посмотреть на поэзию Марины Цветаевой с новых позиций – с точки зрения концептуализации ею мира. Сейчас уже очевидно, что поэтическое богатство определяется не только богатством лексики и грамматики, но и богатством концептуализированных понятий – концептов поэта.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура // Филология и культура. Ч. 2. Тамбов, 2001.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
- Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л.: ЛГУ, 1989.
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1987.
- Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. В 4-х т. Т. 2. Д – Л / Сост. Белякова И.Ю., Оловянникова И.П., Ревзина О.Г. – М.: Дом-музей М. Цветаевой, 1998.